

Разведчик Григорий Булатов, дядя сотрудника «Русснефти», устанавливал Красное Знамя на куполе поверженного рейхстага.

Время РуссНефти

КОРПОРАТИВНАЯ ГАЗЕТА

АПРЕЛЬ – МАЙ

4(120) 2015

ДОМАШНИЙ АЛЬБОМ

Ратный подвиг, семейное счастье, память...

Мой дед Василий Иванович Михалев, 1911 года рождения, – кадровый офицер артиллерийских войск, воевал с первого дня до самой Победы. О своих заслугах он говорил мало. Отмалчивался, когда речь заходила о войне.

Мой отец полагал, что деду трудно было вспоминать погибших фронтовых друзей. В окопах Сталинграда страшной морозной зимой, в редкие мгновения тишины Василий Иванович, по его собственным словам, мечтал о жизни без войны. На мероприятия, посвященные празднованию Победы, дед не особенно любил ходить. Но званием защитника Родины, конечно, гордился.

Бабушка моя Клавдия Васильевна (в девичестве Устьянцева), родившаяся в 1921 году в городе Камышлов Свердловской области, была призвана 22 июня 1941 года. После ускоренных курсов военных фельдшеров хрупкую девушку отправили в самое пекло. Ей, как и многим ее подругам, выпало работать в полевых госпиталях у линии фронта, выносить на себе тяжело раненных бойцов, причем вместе с оружием. Ни минуты отдыха, фельдшерская помощь во время сложнейших операций под шквальным огнем врага – так жили они много месяцев. Врачи и медсестры падали в голодные обмороки, но не от недостатка пищи, а потому, что не могли отойти от операционных столов.

Затем Клавдию Устьянцеву перевели в госпиталь по месту жительства – в Камышлов. Так далеко, в Свердловскую область, отправляли только очень «тяжелых» бойцов. Здесь и встретились будущие родители моего отца, офицер-артиллерист и фельдшер военной медицинской службы. Потом долго переписывались. После войны зажили счастливо. Дед ушел намного раньше, сказались ранения. А бабушка трудилась на своем прежнем посту сестры милосердия – фельдшером службы скорой помощи.

Максим Михалев, заместитель начальника отдела по социальной работе и быту предприятия «Варьеганнефть», г. Радужный

Уважаемые друзья, коллеги! Дорогие ветераны!

Сердечно поздравляю вас с 70-летием Великой Победы!

День 9 Мая для всех – символ единения и любви к Родине. Мы гордимся подвигом наших соотечественников, ценой огромных жертв, напряжением всех сил раздавивших фашизм, защитивших жизни, человеческое достоинство, культуру миллионов людей. Отрадно, что сотрудники компании «Русснефть» хранят память о своих родственниках – участниках Великой Отечественной. Подвиг людей старшего поколения – это их завещание, напутствие нам жить мирно, трудиться добросовестно, украшать свою землю, воспитывать детей, заботиться об их будущем. Великий праздник 70-летия Победы – это великая скорбь и великая радость...

От всей души желаю вам, дорогие ветераны, крепкого здоровья, счастья и благополучия! С Победой вас, друзья и коллеги!

Михаил Гуцериев

ПОСЛЕДНИЙ ШТУРМ

Награждены и забыты

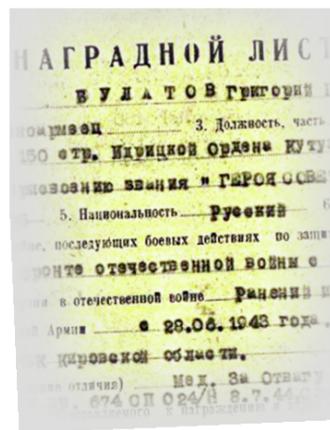
Кто первым водрезал Знамя Победы над поверженным рейхстагом? История сохранила имена только Егорова и Кантарии. Так доложили вождю по горячим следам события, и позже не нашлось желающих это оспаривать.

В действительности красных знамен над рейхстагом было несколько, какое из них появилось раньше, а какое позже – вопрос спорный. Но доказан факт: «свой» флаг над цитаделью фашизма установила группа смельчаков, в которую входил Григорий Булатов. Многие исследователи полагают, что они и были первыми. Историческая справка: штурмовали центр Берлина части 3-й ударной армии. Ее 79-му стрелковому корпусу выпала удача пройти северо-западнее немецкой столицы, где немцы не ожидали русских. Корпус направил главный удар с запада на восток, то есть зашел в тыл. Этим и объяснялось его стремительное продвижение к рейхстагу. К решительному штурму цитадели советские воины приступили 30 апреля.

Какой именно дивизии выпадет честь поставить точку в операции? Это было неизвестно. Поэтому военный совет армии распорядился изготовить девять одинаковых знамен. Одно из них, выделенное 150-й дивизии и получившее официальный статус Знаменем Победы.

Между тем бойцы 674-го полка под командованием Алексея Плеходанова, входившего в 150-ю дивизию, изготовили свой красный флаг (официальный находился в распоряжении другого полка). Обстругали кинжалом дерево, прикрепили к нему красную матерью, оторванную от перины. Знамя получилось грубоватым, но большого размера и прочным. Разведчики получили приказ установить его на крыше у скульптурной группы.

Штурм берлинской цитадели начался в половине пятого утра с артподготовки. Площадь перед рейхстагом пересекал глубокий канал, за которым тянулись надолбы и ежи, опутанные колючей проволо-

кой. К зданию тогда удалось прорваться только группе лейтенанта Сорокина из батальона Василия Давыдова. Площадь была усеяна телами советских солдат, которым не хватило всего нескольких часов до Победы. Наступление возобновили в половине второго. Из воспоминаний разведчика Провоторова: «Находим окно. Улучив момент, влезли в окно, предварительно бросив туда по гранате. Коридорами вышли на лестницу, забрались на второй этаж. Здесь мы с Булатовым подошли к разбитому окну, посмотрели на Королевскую площадь, за которой в домах и прямо на улицах залегли наши бойцы, приготовившиеся к решительному штурму. Гриша Булатов просунул знамя в окно, помахал им, затем мы укрепили его. В это время внизу послышались выстрелы, взрывы гранат, стук сапог. Мы приготовились к бою. Но схватка не состоялась. Это по нашим следам пришли Лысенко, Брюховецкий, Орешко, Почковский. С ними лейтенант Сорокин».

Рассказ разведчика подкрепляется кадрами кинохроники. На них сохранилось, как молодой разведчик Гриша Булатов, самый ловкий и юркий из атакующих, пробирается через окно на крышу и привязывает флаг к шее огромного коня. Время – 14 часов 35 минут. За этот подвиг Булатов будет представлен к Звезде Героя, но получит орден Красного Знамени.

На знаменитом снимке Евгения Халдея запечатлен момент водрезания над рейхстагом «официального» знамени. Однако впоследствии военный фотокорр признал, что снимок – постановочный. На нем изображены не Егоров и Кантария и флаг не тот. Фотография еще и ретушировалась, поскольку редактор «Правды» разглядел на руке советского автоматчика пару трофейных часов... Съемка производилась 2 мая, местом действия избрали башню фронтона, поскольку купол рейхстага был обжат пламенем.

Этот знаменитый снимок Е.Халдея сделан через два дня после события.

ЗЕМЛЯКИ

Три судьбы

НАШ КОРРЕСПОНДЕНТ ВСТРЕТИЛСЯ С ВЕТЕРАНАМИ ПРЕДПРИЯТИЯ «САРАТОВНЕФТЕГАЗ»

ПРОШУ КАВАЛЕРА ОРДЕНА СЛАВЫ ГРИГОРИЯ ФЕДОРОВИЧА ЛЕОНОВА ПОКАЗАТЬ МНЕ ФРОНТОВЫЕ СНИМКИ.

– Нет ни одного. Не до них было... Удивительно, как он вообще смог выжить после битв под Сталинградом, на Северном Кавказе, в Крыму, трех ранений, плена, концлагерей...

Видимо, помогла сибирская «закваска». Родился Григорий в августе 1923-го в деревне Большие Ключи Красноярского края. Стал седьмым ребенком в крестьянской семье. Накануне войны успел окончить ПТУ при целлюлозно-бумажном комбинате. Летом 1941-го стал проситься на фронт.

– В военкомате народу – не пробиться. Сказали: вызовем, когда понадобится. Вернулся в деревню. Семье приходилось трудно: отец инвалид трудился плотником, сестрички подрастали. Освоил трактор, стал на элеватор зерно возить. Потом дрова для нашей паровой мельницы заготовлявал. 19 декабря мне повестку прислали.

Довез меня папа на телеге до станции, подарил на прощание свою лошку. Стала пехотинцем, как и отец, и старший брат, и дядя. Месяца четыре мы проходили подготовку, а 16 апреля по команде «Тревога!» – на вокзал. Тронулись на запад через всю страну. Неделю едем, другую: то напрямиком, то вбок куда-то, то чуть ли не в обратную сторону – обманывали «люфтваффе». В городе Каменске выгрузились и двинулись пешим ходом на Ростов. Шли вслепую, наугад, без карт. А слухи тревожные: с противоположной стороны к Ростову уже немцы подходят. Кругом степь голая, глазу зацепиться не за что. Я к такому ландшафту не привык, вырос-то в тайге. Потом другие картины: наши войска отступают, толпы беженцев, неразбериха. Затем самолеты налетели. Забегали наши ребята в сарай на окраине села, а через минуту на этом месте только пыль красная столбом. Я тогда усвоил, что при бомбежке нельзя группами держаться. Тогда же в перестрелке уложил первого врага.

В одном из последующих боев группу огнеметчиков танковой части, куда входил Леонов, накрыло снарядом. Очнулся он в полевом госпитале, двух ребер как не бывало. Повезло, что выжил. Через два месяца боец настоял на выписке.

– В сентябре 1943-го я был зачислен в морской десант. Привезли нас на Азовское море, погрузили на катер и отправили ночью на полуостров Тамань. На нашем катере оказался предатель, который навел нас на подводные колючие сети. До берега не дошли метров 50. Все ребята в воду попрыгали, а я плавать не умею! Сиганул за ними. Еле-еле выкарабкался. За эту операцию и вручили мне орден Славы. Правда, много

позже, в феврале 1958-го. Потом – бой, осколок в голову, плен.

Начались мои мытарства: девять лагерей для военнопленных и один концентрационный близ Штутгарта. Что заставляли делать? Например, от темна до темна машинами возили трупы к местам массовых захоронений. Кормежка – два раза в сутки крапивная баланда и 100 граммов хлеба. Потом нас зачем-то перебросили в Северную Норвегию. Оттуда пытались бежать. Поймали, избили и вернули в барак. Освободили нас советские войска. Пришлось мне побывать в фильтрационном лагере. Обвинения с меня сняли, но потом еще лет пять держали под подозрением. Стал я работать в Саратове, в Соколовгорской нефтеразведке. Участвовал в разбуривании всех месторождений области. «Саратовнефтегаз» отдал 52 года.

НИНА ИВАНОВНА ПОТАПОВА ПОКАЗЫВАЕТ МНЕ ФОТОГРАФИЮ СВОЕГО ВЫПУСКНОГО КЛАССА. НА НЕЙ – 14 ДЕВУШЕК И ДВОЕ ПАРНЕЙ. НА КАЛЕНДАРЕ – ИЮЛЬ 1941 ГОДА.

– Остальных ребят призвали в действующую армию, – вспоминает Нина Ивановна. – А некоторые семьи успели получить похоронки. Грустным получился выпускной вечер.

Практически все девчата из бывшего 10 «б» записались на курсы при медицинском институте. Через год Нина получила удостоверение профессиональной медсестры с оценками «хорошо» и «отлично». Рассказывает:

– В прифронтовом Саратове было много раненых. Первичная помощь в приемном отделении, подготовка к операциям, послеоперационный уход – всему научилась. Много бойцов умирало от недостатка лекарств. И бомбил нас немец крепко. Во время одного из налетов на моих глазах знакомой оторвало голову.

Нина Потاپова мечтала стать юристом. Как ни трудно было, она окончила двухгодичную юридическую школу. Весной 1944-го отправилась на практику в Курскую коллегию адвокатов. Медицинские навыки и там ей пригодились, поскольку местные адвокаты шефствовали над госпиталем.

После войны Нина Потاپова завела юридической консультации, служила адвокатом, народным судьей. А когда вернулась в Поволжье, стала трудиться в «Саратовнефтегазе» старшим юрисконсультом, затем начальником отдела кадров всего объединения.

ГЕННАДИЙ ПЕТРОВИЧ МАЛЫГИН РАССКАЗЫВАЕТ...

– Мой отец еще в царской армии служил артиллеристом. И я воевал в артиллерии. За день до начала войны меня зачислили курсантом в Одесское артиллерийское училище имени Фрунзе. Дали возможность съездить до-

мой в Киев. Прибыл утром 22 июня... Маму нашел в бомбоубежище. Срочной телеграммой меня вызвали обратно в училище. Через некоторое время его передислоцировали на Урал.

«Полугодовой ускоренный выпуск, и на петлице – два «кубара», – это строки из поэмы Роберта Рождественского «210 шагов». Точно так и было в судьбе Геннадия Малыгина. В феврале 1942-го новоиспеченный лейтенант попадает в войсковую часть Северо-Кавказского военного округа со штабом в Армавири.

– Мой 1167-й артиллерийский полк относился к резерву Главного командования и располагался в Ейске. 152-миллиметровые гаубицы-пушки были нашим основным вооружением. При отступлении к предгорьям Кавказа возле станции Белореченская дрались с немцами и румынами. Наши пушки и «катюши» покروшили их – будь здоров! Но немцы в воздухе тогда господствовали. Однажды атаковали они нашу боевую позицию. Успел услышать страшный разрыв... Когда очнулся, увидел огромную воронку на том месте, где лежали мои товарищи. А меня в ногу, спину и правую руку ранило, кости раздробило. Большая потеря крови, контузия с потерей слуха... Пошли скитания по медсанбатам. Слух восстановился, а руку не спасли. Отвоевался.

В марте 1943-го Геннадий Малыгин стал студентом Саратовского государственного университета. Окончив вуз с красным дипломом, геолог Малыгин впоследствии стал заместителем начальника отдела объединения «Саратовнефтегаз», карьеру завершал ведущим конструктором в КБ предприятия. Грудь ветерана украшают три ряда орденских планок.

Дмитрий Петрошенко, г. Саратов

ПОСЛЕДНИЙ ШТУРМ

Награждены и забыты

» 1 В первом издании воспоминаний маршала Георгия Жукова эпизод с взятием рейхстага был проиллюстрирован в том числе и фотографией, на которой изображены разведчики из группы лейтенанта Сорокина, на переднем плане – Гриша Булатов в лихих заломленной пилотке. В последующих изданиях снимок отсутствует.

Но осталось свидетельство такого авторитетного очевидца, как Роман Кармен. 2 мая 1945 года кинодокументалист отправил телеграмму в «Совинформбюро» со следующими словами: «Сегодня я

ПЕСНЯ о фронтовом шофере

Андрей Матвеевич Рыбин всю войну проездил на «трехтонке» (ЗИС-5), «полуторке» (ГАЗ-АА), буксировал «сорокапятку» (противотанковую пушку М-42).

Объезжая воронки, под обстрелами и бомбовыми ударами вражеской авиации день за днем вез Рыбин на передовую боеприпасы, оружие, провиант и медикаменты. От смерти его отделяли даже не четыре шага, а один неверный поворот руля. Говорит его внук Андрей Владимирович Котов, заместитель генерального директора «Варьеганнефти»: «Дед точно знал: если в машину, полную боеприпасов, попадет вражеский снаряд, от водителя не останется ничего. Но он спокойно делал свое дело. Дед был сильным духом, как рассказывала бабушка, смелым, иногда безрассудным».

Судьба хранила Андрея Матвеевича. После ранения в ногу в госпитале он узнал, что его грузовую снарядами машину разбомбили прямым попаданием...

Андрей Рыбин был удостоен медали «За отвагу», ордена Отечественной войны I степени, других наград. Прошло уже 22 года, как Рыбина нет в живых. Но в семье его внука бережно хранят реликвии, связанные с ним. 9 Мая в доме Котовых будут звучать песни военных лет, и обязательно «Песенка фронтового шофера»:

*«Через реки, горы и долины,
Сквозь пургу, огонь и черный дым
Мы вели машины, объезжая мины,
По путям-дорогам фронтовым...»*

АКЦИЯ

Накануне майских праздников наши коллеги из Саратова провели акцию по благоустройству города.

Они привели в порядок большую территорию на склоне Соколовой горы, прилегающую к офисному зданию, – убрали листья и мусор, покрасили ограждения и бордюры, спилили на деревьях сломанные ветки, подготовили клумбы к высадке цветов. Горожане оценили эти усилия, ведь центральный офис предприятия находится в оживленном месте Саратова, рядом с Парком Победы, где они любят проводить свободное время.

Петр Дмитриев

тага оказались искажены пропагандой.

Семен Сорокин после войны работал в МАИ. Он писал в редакции письма, пытаясь восстановить справедливость по отношению к своим разведчикам, но поколебать официальную точку зрения на события 30 апреля 1945 года не сумел.

В Компании трудится племянник Григория Булатова – Евгений Поздеев, начальник отдела по геологическому контролю за разведочным и эксплуатационным бурением.

ДОКУМЕНТАЛЬНЫЙ РАСКАЗ

Десять лет я собираю рассказы сотрудников Компании об их героических родственниках, участвовавших в Великой Отечественной войне. И вот теперь подумал: а почему бы мне, редактору корпоративной газеты, не вспомнить о собственном дяде, который погиб под Москвой осенью 1941-го? Обратился за подробностями к своей матери Ивановой Изольдии Михайловне. Она взялась за перо. Вот что у нее получилось.

Сергей ИВАНОВ

МАТЬ НЕИЗВЕСТНОГО СОЛДАТА

В тот июньский день 1941 года мы, ребяташки, высыпали на улицу города Комсомольска-на-Амуре кормить своих любимцев, пушистых «шариков». Дворнягами их не называли. Это были наши няньки, бонны, наши гувернеры. Они учили нас доброте, заботливости. А в ста метрах далее начиналось загадочное царство, где обитали медведи, волки, соболы и другое симпатичное зверье. Мы, дети, не боялись тайги – бегали туда играть в лапту, жмурки, прятки. «Шарики» нас сопровождали, а тех, кто надолго задерживался, сердито гнали домой.

Так вот, выбежав беззаботно на улицу, мы увидели толпу у репродуктора, откуда доносилось: «Без объявления войны... Враг вероломно напал...» Люди стояли окаменевшими. И только самые маленькие из нас весело предвкушали начало какой-то новой большой игры.

Из магазинов сразу исчезли соль, мыло, спички. Остались только крабы, рыба и детская мука. Вскоре исчезла и мука. На витринах рядом с неизменными крабами, лежала горбуша, считавшаяся малосъедобной на фоне роскошной и доступной по цене кеты.

Заводы моментально перешли на военную продукцию. Мама моя Татьяна Никифоровна Шукина приходила домой измотанная – они неделями трудились без выходных. Часто и ночевали на заводе. «Мину под голову – и спишь», – рассказывала она, – а просыпаешься – нет «подушки», увезли на фронт».

Затем произошло неизбежное и страшное для нас. Мой брат получил повестку: срочно влиться на сборный пункт. А ему и 19 не было. «Золька, – сказал Сергей, собираясь уходить, – срочно дуй к маме на завод». Через пару часов мы с мамой примчались в военкомат, где услышали: «Их уже отправили на вокзал». И мы побежали по бесконечному

шоссе, спотыкаясь и задыхаясь. Наконец впереди увидели колонну. Помню – совсем мальчишки, с тонкими шеями. Сергуню заметили сразу. Он высокий был, все оглядывался. Встрепенулся, увидев нас. На вокзале стояли товарные вагоны. Призывников оцепили, после переключки – сразу посадка. Брат все смотрел и смотрел на маму – с нежностью и недоумением: ну почему нельзя ее на прощанье обнять? Двери товарняков задвинулись...

Когда пришло первое письмо от брата, я была дома одна. Разорвала конверт, стала читать: «Моя дорогая, самая хорошая на свете мамочка...» Он сообщал, что кормят их хорошо, что кругом кедр, шишки начинают падать, скоро придет нам орехи. Приписал для меня: «Золька, прости за щелчки». (У него одно время была привычка отпускать мне щелчки, проходя мимо.) Я снова помчалась на завод. Мама выбежала из проходной счастливая, окрыленная... Каким-то чудом узнала адрес воинской части.

На работе вошли в ее положение, отпустили на четыре дня. И вот мы уже в Хабаровске. Поезд на Завитуху – только через пять часов. Забежали к тете Насте. Она пекла блины, ловко подбрасывая их на сковородке. Телефонное было, но уже через час в комнату входили тетя Дуня, тетя Ариша, отцов брат Илья (мой отец трагически погиб, когда мне было всего четыре месяца) и немало родственников, не знакомых мне. Тети были величавые, красивые, с тяжелыми пучками волос на головах, сердечные. Родня моя по отцовской линии – из молюкан. Родственники натащили подарков для нашего новобранца: теплые носки, шапку-ушанку на медвежьем меху, душегрейку и даже кальсоны из чистой шерсти (контрабанда из Японии). Тети насребрили по сусекам муки и напекли душистых пирожков с черемухой. Угостили только меня, десятилетнюю девочку,

остальное – для Сергуньки. Дядя Илья сопровождал нас до места.

На станции – хорошо это помню – пахло медом. Его продавали на скудном привокзальном рынке, больше не было ничего. Мама купила целое ведро меда, и мы на попутной машине отправились искать воинскую часть. Разве стоит описывать чувства матери, только что отправившей сына на войну? Скорее обнять своего мальчишка, прижать к сердцу свою кровиночку, приголубить, защитить. Но невозможно защитить... От тебя уже ничего не зависит...

Наконец мы въехали в воинскую часть. Из столовой пахло щами. Мама ждала, что сыночек выбежит к ней. Из столовой один за другим выходили мальчишки. Увы! Дежурный командир (слово «офицер» еще не использовали, считая белогвардейским) откозырял и сообщил: «Вчера отправили на фронт». По лицу мамы потекли слезы.

Мед и пирожки мы оставили в воинской части.

Командир вызвал машину. Нас отвезли на вокзал, точнее, на то место железной дороги, где вдоль путей сидели очередные солдатики, ожидавшие погрузки в товарные вагоны. Мама стала утешать себя: «Дома нас, небось, письмо ждет!» Оживилась, даже похорошела от этой мысли-надежды. Купила еще ведро меда. Подошел паровоз, пыхтя и выпуская черный дым. В вагоне сидели женщины, также искавшие своих мужей и сыновей. Те, кому это удалось, казались особенно несчастными, потрясенными прощанием, быть может, навсегда.

...А в нашем Комсомольске продолжал сохраняться порядок. К прибытию поезда приходил автобус. Два квартала от остановки с ведром меда и оставшимися дарами от тетей и дядей мы преодолели пешим ходом. Дома весточки от брата не было... И вдруг за окном увидели почталы-

онку, помахивавшую письмом! С радостью, но и тревогой встречали тогда в тылу вести с фронта. Сергунька писал перед отъездом, в спешке. Но самое главное успел передать – нежность и любовь к матери и комне, последышу: «Золька, береги маму...»

Репродуктор на улице голосом Левитана вещал об упорных боях, сбитых самолетах врага и оставленных нами городах. Уже наступал голод. Картошку жарили на олифе, чай пили с глицерином. Но и олифа вскоре исчезла из хозяйственных магазинов, глицерин – из аптек. Началась героическая эпопея женщин. Солдатские матери и жены корчевали пни и кустарники, отвоевывали у тайги участки под огороды, рыхлили кирками землю в черте города, под окнами, где сажали огурцы, помидоры и капусту.

Мама купила козу и пять кур. Наша коза Майка была грациозной, жизнерадостной, а в смысле питания щепетильной до аристократизма. Она щипала только целебные травы – ромашку, пустырник, хвощ. Поэтому и молоко у нее было целебным. Мы с ней стали неразлучны. Не раз бывало: идет урок (школа – рядом, наш класс – на первом этаже), за окном появляется преданная Майка, пристально смотрит на меня и на своем козьем языке зовет домой. Во время переменной козлиной коза не раз забегала в класс и принималась прыгать по партам (а мне потом «орешки» убирать). Однажды утром мама сообщила мне: «А у нас радость». Даже белую блузу по такому поводу надела. Я увидела еще не обсохшее существо на дрожащих копытцах. Новорожденный козленок качался от слабости, но уже пытался взбрыкивать и бодаться. На время горести военных лет стусевались. Молоко, яйца, душистые куриные супы, мед создавали иллюзию сытной жизни.

Радость наша, к сожалению, оказалась недолгой. Однажды мама после ночной смены вошла в сарай, а там ни кур, ни козы, ни козленка. Только следы крови и куриные перья. Сказать, что мы горевали, – ничего не сказать. Война не впускала в наши дома ни крупицы счастья...

Пошли грибы, они стали спасать нас от голода. Пни были усыпаны опятами, на сопках – грузди. Мама, придя с работы, сразу садилась за швейную машинку. Из старых тулупов шила душегрейки, распускала старые кофты и вязала теплые носки. И все глядела на тропинку за окном. И вот пришло письмо от Сергея, но что в нем! Красным карандашом брат написал: «Завтра в бой». И много раз подряд: «Прости». За что он все просил прощения?! В ту ночь мама совсем не спала. Сшила еще унты из рукавов старого тулупа. Сама смастерила ящики, в которые, помимо своего рукоделия, вложила библию и пожелания: не простужайтесь, берегите себя. На таких посылках указывался краткий адрес: «На фронт».

Однажды, придя из школы, я взглянула на зеркало и увидела точку с расходящимися трещинами-лучиками. Стали ждать беды. И она не заставила себя ждать: пришло извещение, что Сереня пропал без вести в битве за Москву. Сбежались соседи, стали успокаивать, мол, это не похоронка, сын где-нибудь в госпитале, в плен мог попасть. Мама продолжала надеяться. Каждый день, когда она не была на заводе, отрываясь от машинки, пристально глядялась в появляющуюся за окном почталынку. Та только разводила руками и шла дальше, неся кому радость, а кому беду. В полдень нередко где-нибудь раздавался стон или крик – почталынка приходила в это время.

А еще помню, как впервые мимо нас проводили колонну пленных немцев. Они шли длинной вереницей, охраняемые красноармейцами, под взглядами женщин и стариков, у многих из которых на фронте погибли близкие. Пленные казались похожими друг на друга. Мы представляли себе фашистов грозными и жестокими. А эти – жалкие, вызывающие скорее сочувствие, чем гнев...

Первозданная дальневосточная природа помогла семьям, оставшимся без мужчин, выживать.

Но объявилась новая напасть: неизвестные лиходеи стали шарить по огородам, вырывать с корнем кусты и картошку, губить урожай. Жаловаться в милицию не было принято. Что наш тыл с его бедами по сравнению с фронтом? Женщины устроили засаду и поймали одного из жуликов. Поступили с ним жестоко, но справедливо. Сняли с него одежду, обмазали медом, привязали к дереву. Через сутки его тело превратилось в черный шар. После этого случая набеги на огороды практически прекратились.

Май 1945 года. Я на огороде. Между участками межа почти целинная, на ней – ландыши, крупяны, душистые. Домой всегда уходила с ароматной охалкой... Бежит мама: «Золенька, победа, война окончилась!» Это была радость для многих воистину со слезами на глазах и рыданиями.

С фронта стали возвращаться мамини племянники. Один из них, Николай, потерял ногу. Друг Сергея Толька, весельчак и когда-то красавец, вернулся с лицом, изуродованном ожогом; он горел в танке. А мама все писала и писала в разные инстанции, искала следы сына. Даже Жукову отправила письмо. Из его канцелярии пришел ответ: постарайтесь помочь. Но увы! Позже, когда я училась в Москве, часто стояла у Могилы Неизвестного Солдата в уверенности, что здесь лежит мой брат, погибший под Москвой. И мама была в том уверена.

Изольдия Иванова

На снимке: Татьяна Шукина

О П Е Р А Ц И Я

Переправа, переправа...

В 1943 году мой дедушка Георгий Иванович Турков в звании лейтенанта участвовал в одном из крупнейших сражений Великой Отечественной – в форсировании Днепра.

Ему тогда едва исполнилось 20 лет. По его словам, битва была страшной, с огромным числом погибших. Один момент навсегда остался в его памяти. Он с боевыми товарищами плыл по Днепру, над головой – шквал снарядов и пуль, одна из которых попала в голову солдата напротив. Лицо

того паренька долгое время стояло у Георгия Ивановича перед глазами. Ужасно, когда вот так обрывается молодая жизнь.

Дед и сам был тяжело ранен в легкое. Военврач госпиталя случайно заметил его, едва живого, среди умерших. Лечение продлилось восемь месяцев, после чего солдат получил отпуск по ранению и отправился к родственникам в Тобольск. В пути он чуть не погиб, добираясь до родного очага пешком в лютый мороз. Дома его поразила нищета. Чай ему наливали в консервную банку, хотя раньше у них имелась серебряная посуда. Позже на фронте он познакомился с радисткой по имени Агния, моей бабушкой. После окончания войны они поженились. Полученная в бою рана стала для деда долгим напоминанием о тех страшных днях.

Дария Туркова, «Ульяновскнефть»

Д О Р О Г И

Гвардии рядовой

Семнадцатилетним парнем мой отец был призван в армию. После пятимесячного обучения в мае 1944 года его отправили на фронт. «Нас привезли во Псков, оттуда мы дошли до Тарту, где меня и ранило», – рассказывал он о своем участии в Тартуской наступательной операции.

Тогда войска 3-го Прибалтийского фронта прорвали оборонительную линию фашистов «Мариенбург», отбросив врага на десятки километров. Через месяц после ранения Виктор Матвеев – снова в строю. Их полк перебросили под Варшаву, где мой отец вместе с его товарищами из инженерно-саперного штурмового батальона участвовал в форсировании Вислы. Крепко им тогда досталось! В феврале 1945 года завершилась Висло-Одерская операция. Советские войска практически полностью освободили Польшу и перенесли боевые действия на территорию врага. До Берлина оставалось 60–70 километров. А в Германии их батальон обеспечивал форсирование Нейссе: «Шел снег. Вода была ледяная. В одних кальсонах я переплыл реку, закрепил трос на другом берегу. Потом и другие стали переправляться, – рассказывал мой отец. – Потом мы помогли строить мост через реку. Пошли Германиию. В Берлине меня контузило, не тяжело, но недельки две пришлось в санбате полежать. После санбата я опять в строю. Переправились через Альпы. Весть о Победе настигла нас в Чехословакии».

До 1948 года инженерно-саперный полк отца строил понтонные переправы в Европе. Он вспоминает: «Встречали нас везде хорошо, особенно в Чехословакии. Марш-броски бывали по 1600 километров». Затем полк перевели в Киев. После увольнения из армии отец уехал работать в Среднюю Азию, где родился сын, его дети. С 1979-го он живет в Самарской области. Сейчас Виктору Александровичу 89 лет. Среди его боевых наград медали «За отвагу» и «За победу над Германией».

Александр Матвеев, главный маркшейдер «Варьеганнефти», г. Радужный

ТРАДИЦИЯ

Исцеление памятью

Я хорошо помню эту старую черно-белую фотографию. Батя сидит на стуле в парадной форме с медалями на груди, а я стою рядом. Мне шестой год, на голове у меня отцовская белая офицерская морская фуражка – когда-то он служил в береговой артиллерии. Эта фотография чем-то похожа на отражение в зеркале. 9 мая 1970 года. 25 лет Победы.

Давно нет в живых отца, и фронтовиков мы пересчитываем по пальцам. Да что там, скоро мы будем пересчитывать по пальцам их детей. Я один из них... Ушло в небытие 7 Ноября, как-то затерлось 1 Мая, и Новый год уже не особо впечатляет. Да, вернулись и стали значимыми религиозные праздники. Но я – дитя той эпохи, а потому для меня Самый Большой Праздник – День Победы.

Первая круглая победная дата, которую я хорошо помню, пришла на 1970 год. В нашем небольшом городке проходил парад, отец в нем участвовал – кажется, даже нес Знамя. Потом мы семейно собрались за столом. Взрослые выпивали, наливали нам лимонад, все смотрели телевизор, а мама плакала – в апреле 1945-го в Австрии погиб ее родной брат, а батя... батя тогда не плакал, батя тогда был – кремень!

Прошли годы. Девятого мая 1986-го на военных сборах в ракетной части в Псковской области я принимал воинскую присягу – перед строем своих однокашников по вузу, держа в правой руке автомат, произнес клятву верности Советскому Союзу. Стране, которой через пять лет не будет... Кто бы мог подумать тогда?

В 1989 году к нам из Казахстана приехал однополчанин отца, его командир. Антиалкогольная кампания еще продолжала свирепствовать – ох, и набегался я в поисках хотя бы 500 граммов «фронтных»! Выручила теща – раздобыла бутылку самогона. Мужики сидели на кухне, совсем по чуть-чуть выпивали, а батин командир рассказывал, рассказывал... И все время спрашивал отца: «А ты, Пашка, помнишь?» Отец раз за разом отрицательно качал головой. Он многое сумел забыть. Зато

я узнал сто-олько! Впору было подставить голову под ледяную струю воды и остудить мой перегревшийся мозг, который отказывался верить в то, что все это было с моим героическим отцом и было ему тогда всего двадцать лет.

Потом начались «стыдливые» 1990-е, когда страна каялась за грехи, а еще пуще – за подвиги. Признаки выздоровления наметились в 1995-м. 50-летие Победы! Помнится, в Москву приехали лидеры ведущих стран, и даже канцлер ФРГ Коль, у которого на той войне погиб брат. Тогда 9 Мая я впервые увидел отца плачущим. Ему, как и другим фронтовикам, вручили орден Отечественной войны, а также присвоили очередное воинское звание. Батя стал подполковником. Правда, в военкомате сказали, что подобные присвоения, подкрепленные только словами президента, извините за грубость, туфта.

Схоронили мы батю майором, для нас-то это не имело значения.

Традиция всенародно праздновать 9 Мая неуклонно возвращалась в нашу жизнь. В 1997-м я наблюдал Парад Победы в Центре подготовки космонавтов в Звездном, видел маршировавших в праздничных колоннах покорителей космоса. День Победы в Звездном никогда не утрачивал своего значения. Герой героя не предаст.

Спустя еще два года мы и на себя посмотрели более требовательно. Чего не хватает в нашем семейном торжестве? Ах да... С той поры неперенным «участником» наших застолий (в виде фронтовой фотографии в рамке) стал дядя, мамин брат, погибший 9 апреля 1945 года в Австрии. В 2001-м к портрету дяди прибавился и портрет отца... Оба героя отныне всегда с нами – так было и будет, где бы мы ни жили.

Весной 2003 года в Ноябрьске, где я работал, подобралась интересная творческая группа. Написав сценарий на военную тему, мы поставили спектакль и в мае сыграли его на сцене местного ДК. В кульминационный момент рыдал зал, артисты с трудом удерживались от слез. Я и сам чуть не разрыдался, сопереживая народной беде, хотя играл немецкого офицера! Женщины в зале жалели всех, включая

Мой дядя Виктор Смольков.

«меня». Наши российские женщины вообще самые отзывчивые и добросердечные в мире. Кто-то сомневается в этом?

Говорят, что война не окончена, пока не предан земле последний погибший солдат. Я бы добавил: и пока на месте упокоения этого солдата не побывают его дети, внуки. В прошлом году на Майские, завершив долгие поиски на австрийской земле, мы наконец-то добрались до братской могилы, в которой похоронен мой дядя. Эту историю я уже рассказывал.

Валерий Лаврусь,
начальник отдела
департамента геологии и
оценки ресурсов нефти и газа,
прозаик

БЛАГОДАРНОСТЬ

Поговори со мною, прадед

Леша Нефедов (10 лет), сын ведущего экономиста валютно-финансового отдела «Варьганнефти» Татьяны Нефедовой, хорошо изучил биографии своих родственников-фронтовиков. Ему слово.

Александр Епифанов.

Иван Симбирцев.

Нашей семье повезло – два моих прадеда воевали и вернулись домой живыми. Хочу о них рассказать.

Иван Петрович Симбирцев родился 4 октября 1907 года в селе Малиновец Орловской области. В армию его призвали в августе 1941 года. Службу свою он начал политруком роты связи. Перед политруком стояла важная задача – поддерживать боевой дух солдат. Много раз мой прадед показывал личный пример воинской доблести и отваги. Войну с фашистами он закончил политруком полка. Потом еще воевал на Дальнем Востоке, служил в Маньчжурии. Иван Петрович был награжден множеством орденов и медалей. После демобилизации он жил в Саратове, работал юристом. Жаль, что прадед не дождал моего рождения, мне бы хотелось услышать его рассказы о войне.

Другой мой прадед, Александр Алексеевич Епифанов, родился 7 января 1924 года в селе Голицыно около Саратова. До войны он работал в колхозе трактористом. Поэтому его направили в танковое училище. На танке Т-34 прадед участвовал в Сталинградской битве, а потом – в самом крупном танковом сражении в истории, на Курской дуге. В боях за освобождение Белоруссии летом 1944 года немцы подбили боевую машину моего прадеда. Танкисты выбрались из горевшей машины и приняли неравный бой, в котором Александр Алексеевич уничтожил 11 фашистов. Сам он получил сквозное пулевое ранение правой руки и попал в госпиталь. Его демобилизовали как инвалида II группы. За боевые заслуги Александра Алексеевича наградили орденами Красной Звезды, Отечественной войны и медалями.

Истории о войне мне посчастливилось услышать от самого прадедушки, который дожил до глубокой старости. Сейчас обоих моих прадедов нет в живых, но моя семья никогда о них не забудет. Они спасли мир от фашизма, чтобы дети кричали «Ура!», когда в небе сверкает салют Победы.

ТВОРЧЕСТВО

Рисуют дети Победу

В «Ульяновскнефти» прошел конкурс рисунков, посвященный теме 70-летия Великой Победы. В нем участвовали дети сотрудников предприятия. Результаты подводились в трех возрастных категориях. Называем имена победителей.

Категория 3–6 лет: 1. Полина Полякова с рисунком «Возвращение домой»; 2. Данис Маулутов («Танки идут в бой»); 3. Тимур Хабиев («Память тем, кто...»).

Категория 7–10 лет: 1. Иван Кузьмин («9 мая»); 2. Роман Чугунов («Память»); 3. Никита Паклин («Никто не забыт, ничто не забыто»).

Категория 11–14 лет: 1. Евгения Куренкова («Гейзаж Победы»); 2. Александр Малышев («Одна на всех Победа»); 3. Алина Шаряева («70 лет»).

Работа Тимура Хабиева, 5 лет.

В «Аки-Отыре» также прошел традиционный уже конкурс детских рисунков. На этот раз он был посвящен 70-й годовщине Победы нашего народа в Великой Отечественной войне. Работы юных художников украсили главный информационный стенд предприятия.

Организаторы стремились к объективности. В течение недели сотрудники Общества отдавали свои голоса за понравившиеся рисунки. По итогам такого опроса победителем конкурса стала Ольга Нечаева (12 лет), которая запечатлела момент возвращения с войны главы семьи. Последующие места заняли Елизавета Шаталова (8 лет) и Мария Волкова (12 лет). Поощрительные призы получили все конкурсанты.

СПОРТ

Здравствуй, весеннее поле

Футболисты из ФК «Нефтяник» (поселок Новоспасское) готовятся к турнирам, посвященным 70-летию Победы, которые пройдут вскоре в Ульяновке, Сызрани и Новоспасском, а также к всероссийским соревнованиям «Кожаный мяч», «Локобол» и «Колосок».

Воспитанники клуба и их тренеры с наступлением весеннего тепла вышли из зала на искусственное поле. У спортсменов «Нефтяника» хорошие перспективы на сезон. Их результаты последнего времени радуют. Так, девочки 1999–2000 годов рождения стали призерами Открытого кубка Ульяновской области, а совсем юные футболистки выиграли областной турнир по мини-футболу, 16 апреля юноши из Новоспасского обыграли в товарищеском матче гостей из Сызрани со счетом 5:3.

Авхат Абдулин,
директор ФК «Нефтяник»

«Время «РуссНефти»

Корпоративная газета
ОАО «НК «РуссНефть»

Главный редактор Сергей Иванов
Допечатная подготовка: ООО «Каперфилд».
Ю. Григорьев – художник, А. Чумичев – фото,
А. Дранников – верстка, дизайн, Л. Позднякова – корректура.
Свидетельство о регистрации газеты: ПИ № 77-18302 от 13.09.2004 г.

Адрес редакции:
129344, г. Москва, ул. Искры, д. 31, корп. 1.
E-mail: time-rus@mail.ru
Отпечатано ЗАО «ПК «Экстра-М»
Заказ № 15-04-00528. Тираж – 8000 экз.